

**Валютные ограничения в системе обеспечения финансовой безопасности РФ:
правовые пределы административного вмешательства и перспективы
либерализации**

Научный руководитель – Мурсалимов Камиль Рамилевич

Ялдаров Магомед Шамилевич

Выпускник (бакалавр)

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

E-mail: yldrv@icloud.com

1. Актуальность исследования обусловлена принципиальным изменением роли валютных ограничений в современной российской экономике. Если в период 1990-2000-х годов валютное регулирование рассматривалось преимущественно как инструмент макроэкономической стабилизации, то с 2022 г. оно трансформировалось в ключевой элемент защиты финансового суверенитета в условиях беспрецедентного санкционного давления. За период 2022–2026 гг. сформировался устойчивый комплекс ограничительных мер, включающий обязательную продажу валютной выручки, лимитирование снятия наличной валюты, запреты на отдельные виды операций с нерезидентами, что требует теоретического осмысления пределов административного вмешательства в валютную сферу [1, с. 45–48; 5, с. 112–115].

2. Нормативно-правовая база валютных ограничений демонстрирует тенденцию к перманентному продлению временных мер. Указ Президента РФ от 8 декабря 2025 г. № 894 продлил до 31 декабря 2026 г. запрет на совершение без разрешения Банка России операций по оплате резидентом доли в имуществе юридического лица-нерезидента и внесению взносов по договорам простого товарищества [2]. Одновременно Банк России 6 марта 2026 г. пролонгировал до 9 сентября 2026 г. ограничения на снятие наличной иностранной валюты, сохранив лимит в 10 тыс. долл. США для граждан, чьи счета были открыты до 9 марта 2022 г. [3]. Указанные факты свидетельствуют о переходе от концепции «экстренных временных мер» к формированию постоянно действующей системы валютного администрирования.

3. Эволюция валютных ограничений прошла три качественных этапа: первый (март – декабрь 2022 г.) характеризовался экстренным введением запретительных мер в ответ на блокировку резервов и отключение от SWIFT; второй (2023–2024 гг.) ознаменовался адаптацией контрольных механизмов к новым каналам вывода капитала, включая операции через дружественные юрисдикции; третий (2025–2026 гг.) демонстрирует институционализацию ограничений, выражающуюся в систематическом продлении временных норм и расширении контролируемых функций уполномоченных банков [4, с. 156–158; 8, с. 90–92].

4. Ключевым направлением трансформации валютного регулирования становится усиление контроля за операциями физических лиц. С конца 2025 г. Банк России продлил режим ограничений для нерезидентов из недружественных стран, в рамках которого трансграничные переводы допускаются только в пределах суммы заработной платы [6]. Одновременно банки обязаны усиливать финансовый мониторинг трансграничных операций резидентов, при этом регулярные зачисления иностранной валюты (зарплата, гонорары фрилансеров) автоматически попадают под контроль комплаенс-служб с обязательным запросом договоров, справок о доходах и подтверждений уплаты налогов [7]. Указанные меры, формально не вводящие прямых запретов на владение валютой, существенно повышают административную нагрузку на граждан и создают риски блокировки операций «до выяснения обстоятельств» [9].

5. Параллельно с усилением контроля развиваются механизмы стимулирования добровольного отказа от использования «токсичных» валют. Принятый в декабре 2025 г. федеральный закон предоставил российским эмитентам право в 2026 г. осуществлять обмен облигаций, номинированных в валютах недружественных стран, на рублевые бумаги с сохранением сроков погашения и пересчетом номинала по официальному курсу Банка России [10; 11]. Данный механизм, по оценке первого зампреда ВТБ Д. Пьянова, создает альтернативный путь для рублификации ранее выпущенных валютных бумаг и позволяет инвесторам, заинтересованным в переходе в рублевые инструменты, реализовать эту возможность без соблюдения сложных процедур корпоративного одобрения [11]. Указанная мера демонстрирует сочетание административного принуждения (запреты на операции с недружественными валютами) и экономического стимулирования (создание привлекательных рублевых альтернатив).

6. Ключевой научной проблемой является определение правовых пределов административного вмешательства в валютную сферу. С одной стороны, как показывает практика 2022–2026 гг., введение ограничений позволило купировать острые кризисные явления, стабилизировать валютный курс и предотвратить неконтролируемый отток капитала в условиях заморозки международных резервов [5, с. 178–181]. С другой стороны, возникает риск «эффекта колеи», при котором временные меры, неоднократно продлеваемые, приобретают характер перманентных, что противоречит закреплённому в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» принципу приоритета экономических мер над административными [4, с. 211–215].

7. Конституционно-правовой анализ проблемы позволяет выделить коллизию между публичными интересами обеспечения финансовой безопасности и конституционными правами граждан на свободное использование своего имущества, включая иностранную валюту. Как отмечается в правовой доктрине, валютные ограничения представляют собой легитимный механизм защиты национальной экономики, однако их применение должно соответствовать критериям пропорциональности, временной ограниченности и недискриминационности [8, с. 94–96]. Практика продления ограничений на снятие наличной валюты на протяжении четырех лет (2022–2026) ставит вопрос о соблюдении принципа разумного баланса между публичными и частными интересами.

8. Перспективы либерализации валютного регулирования должны рассматриваться в двух альтернативных сценариях. Первый сценарий (инерционный) предполагает дальнейшее продление действующих ограничений с постепенной адаптацией контрольных механизмов к новым технологическим реалиям (криптовалюты, цифровые финансовые активы). Второй сценарий (либерализационный) основан на поэтапном смягчении ограничений по мере снижения санкционного давления и формирования устойчивых альтернативных платежных механизмов. Как обосновывается в современных исследованиях, создание независимых расчетных инфраструктур, включая платежные платформы БРИКС на базе цифровых валют центральных банков, способно снизить уязвимость от внешних отключений и создать условия для постепенного отказа от избыточных административных ограничений [12, с. 88–89].

9. Научная новизна исследования заключается в обосновании тезиса о формировании в России «двухконтурной модели» валютного регулирования: первый контур включает традиционные ограничительные меры (запреты, лимиты, разрешительный порядок); второй контур представлен механизмами экономического стимулирования дедолларизации (льготные режимы, обменные процедуры, развитие расчетов в национальных валютах). Такая модель, не имеющая прямых аналогов в современной мировой практике, требует выработки теоретических критериев оптимального соотношения административных и экономических инструментов в обеспечении финансовой безопасности.

10. В качестве практических рекомендаций предлагается: а) законодательно закрепить предельные сроки действия временных валютных ограничений с обязательным обоснованием их продления; б) разработать «дорожную карту» поэтапной либерализации, увязывающую смягчение ограничений с достижением конкретных показателей устойчивости платежного баланса; в) расширить применение компенсационных механизмов для граждан и бизнеса, несущих издержки от валютных ограничений; г) ускорить развитие альтернативных платежных инфраструктур, снижающих зависимость от «токсичных» валют и создающих условия для естественного сокращения потребности в административном контроле.

Общий итог тезисов

В период 2022–2026 гг. в России произошла смена парадигмы валютного регулирования: от либеральной модели к защитной, ориентированной на обеспечение финансового суверенитета в условиях санкционного давления. Введенные как временные меры валютные ограничения к 2026 г. приобрели институционализированный характер, что подтверждается их неоднократным продлением [1, с. 45–48].

Сформировалась «двухконтурная модель», сочетающая административные ограничения и экономические механизмы стимулирования дедолларизации [3, с. 178–181]. При этом выявлена коллизия между публичными интересами финансовой безопасности и конституционными правами граждан на свободное распоряжение имуществом, что ставит вопрос о соблюдении принципа пропорциональности в валютном регулировании [2, с. 156–158; 4, с. 94–96].

Перспективы либерализации связаны с созданием альтернативных платежных инфраструктур (платформы БРИКС на базе цифровых валют), снижающих зависимость от «токсичных» валют и создающих условия для постепенного отказа от избыточных административных ограничений [5, с. 265–267].